Жанна Кормина

«Император осматривал город»:

СЮРРЕАЛИСТИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ И ПОЛИТИКА ПАМЯТИ*

Jeanne Kormina

"The Emperor Surveyed the City": Surrealist Socialism and the Politics of Memory

Жанна Кормина (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург); профессор Департамента социологии Санкт-Петербургской школы социальных и гуманитарных наук; кандидат культурологии) jkormina@hse.ru.

Ключевые слова: коммеморативные практики, политика памяти, градозащитные инициативы, дом Ипатьева, расстрел царской семьи

УДК: 930.85+908+323.22/.28+32.019.51

Статья посвящена тому, как в брежневскую эпоху в среде региональных краеведов и защитников памятников истории и культуры, изначально полностью лояльной официальному советскому курсу, возникает гражданская активность, этот курс подрывающая. Возникает местная политика памяти, альтернативная государственной и воплощенная в локальных коммеморативных практиках, в результате чего в коллективной памяти сохраняется даже то, что советская политическая элита предпочитала бы ликвидировать. На примере борьбы местных активистов города Свердловска за сохранение дома Ипатьева, где в 1918 году были расстреляны Николай II, его семья и домочадцы, а после сноса дома — за сохранение памяти об этом историческом событии показано, как местные социальные механизмы коммеморации вступают в прямое противоречие с политикой центральных властей, а инициативы градозащитников неожиданно для них самих смыкаются с деятельностью советских монархистов из числа советской элиты.

Jeanne Kormina (National Research University "Higher School of Economics" (Saint Petersburg); professor, Department of Sociology, St. Petersburg School of Social Sciences and Humanities; PhD) jkormina@hse.ru.

Key words: commemorative practices, politics of memory, city protection initiatives, Ipatiev house, execution of the Romanov family

UDC: 930.85+908+323.22/.28+32.019.51

This article discusses certain regional specialists and preservationists of historical and cultural monuments during the Brezhnev era who were, at first, entirely loyal to official Soviet policy but came to engage in a form of civic engagement that undermined it. There arose a regional politics of memory that was an alternative to the state version and became embodied in local commemorative practices, as a result of which collective memory retained even that which the Soviet political elite would have preferred to expunge. Through the example of the struggle between the local activists of the city Sverdlovsk to preserve the Ipatiev House—where Nicholas II and the rest of his household were executed in 1918—and to preserve the memory of this historic event after the house's demolition, the author shows how local social mechanisms of commemoration directly contradicted the policies of central authorities, and the initiatives of historic preservationists became aligned, to the surprise of the activists themselves, with the activities of monarchists among the Soviet elite.

мы основа, фундаменты ваших плотин

Р. Рождественский. «Письмо в тридцатый век» (1967)

В написанном в конце шестидесятых эссе «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?» писатель и публицист, участник диссидентского Демократичес-

* Исследование выполнено при поддержке программы «Научный фонд НИУ ВШЭ», индивидуальный исследовательский проект 18-01-0057.

кого движения Андрей Амальрик пишет о сюрреальности советского общества как о факторе, не оставляющем надежд на его выживание. «Довольно сюрреальная картина мира» и представления о своем месте в нем, считает Амальрик, свойственны всем жителям страны, «начиная от бюрократической элиты и кончая самыми низшими слоями», вследствие крайней изоляции, в которую поставил себя режим, изоляции его от общества, всех слоев общества друг от друга, но прежде всего — страны от всего остального мира [Амальрик 1970: 38]. Говоря о сюрреальности, Амальрик не имеет в виду трансформированный в социальное действие художественный прием (ср. о соцромантизме как форме критического взаимодействия с «реально существующим» социализмом: [Oushakine 2017]) или специфический способ эстетического осмысления советской реальности [Эткинд 2016: 122—129]. Сюрреалистичность для него — не характеристика внутренней точки зрения советского человека на свой жизненный мир или способа этот мир строить; это экспертная оценка в рамках рассуждения о жизнеспособности этого общества, о перспективах метаморфозы советского строя в «гуманный социализм» в результате роста благосостояния и «культурно-бытовой диффузии Запада» [Амальрик 1970: 25]. Чтобы увидеть сюрреалистичность социалистической жизни, нужно было оказаться в выгодной интеллектуально, но исключительно болезненной позиции «своего чужого»: Андрей Амальрик с его опытом лагерной жизни, учебы в Московском университете, дружбы с американскими журналистами, с привычкой к интеллектуальной рефлексии был прекрасно подготовлен к этому, по сути, антропологическому взгляду на свое общество. В случайном обозначении советского общества как сюрреалистичного он сумел подметить такую важную его характеристику, как социальную разобщенность при видимости единства и существование множества социальных миров и проектов, не подозревающих друг о друге или, во всяком случае, плохо друг друга знающих.

Социалистический сюрреализм принципиально отличается от культуры тотального лицемерия, о которой писал в своей известной книге Алексей Юрчак [Yurchak 2006]. Согласно его подходу, позднесоветский человек воспроизводил официальный дискурс автоматически, не усваивая заложенные в нем смыслы, а лишь участвуя в коллективных ритуалах лояльности его коллективному автору — государству. В исследованиях других историков и антропологов предлагается более нюансированная картина позднесоветского общества. Так, Кэролайн Хамфри показывает творческую кухню высокопоставленного бюрократа, одного из создателей официального дискурса [Humphrey 2008], а недавний сборник статей «После Сталина» историков круга Европейского университета рассматривает разные культурные форматы, в которых артикулировалась позднесоветская субъективность [Пинский 2018]. Эти форматы предполагали большое пространство свободы и личной автономности, в которую государство в одних случаях могло вторгаться, как в случае с Амальриком, арестованным за тунеядство и отправленным по этапу в Сибирь, а в других — не замечать. Человек, не находящийся в прямой оппозиции к режиму, мог использовать свое положение внутри негласной советской табели о рангах как ресурс для осуществления проектов в соответствии с собственными интересами и стремлениями. В этой статье вслед за Хамфри, авторами сборника «После Сталина» и другими историками и антропологами предпринимается попытка понять, как была устроена жизнь в позднесоветском СССР, реалистическая на уровне микромира отдельного человека, семьи

или трудового коллектива и сюрреалистическая, если посмотреть на нее как на единый проект.

В статье пойдет речь об одном сюжете в локальной памяти города Свердловска (до 1924-го и после 1991 года — Екатеринбург), отразившемся в путеводителях и приключенческой литературе, городской топонимике, гражданской лирике и градозащитной публицистике. Анализ бытования этого сюжета позволяет увидеть конфликт разных патриотических проектов, осуществлявшихся внутри советской идеологической системы. Статья стала моим длинным и неокончательным ответом на вопрос, почему в конце 1970-х годов двое очень успешных по советским меркам людей, москвич (Гелий Трофимович Рябов) и свердловчанин (Александр Николаевич Авдонин), которых Амальрик отнес бы к «классу специалистов», пустились в авантюру с крайне туманной перспективой: поиск места захоронения последнего российского императора и его семьи. К постановке этого частного вопроса меня привело исследование постсоветского православного паломничества, мест памяти и новых коммеморативных практик, в которых вопрос «екатеринбургских останков» играет существенную роль.

Площадь Народной Мести

В сентябре 1977 года в историческом центре Свердловска, на Вознесенской горке, по адресу ул. Карла Либкнехта, 49, был снесен каменный дом в полтора этажа, вошедший в историю как дом Ипатьева. В подвале этого строения, как было известно едва ли не всем местным жителям, в ночь с 16 на 17 июля 1918 года были расстреляны Николай Второй, Александра Федоровна, их пятеро детей и остававшиеся при Романовых врач Боткин и трое слуг[1]. Решение о сносе дома было принято ЦК КПСС по инициативе Комитета государственной безопасности. В записке, подписанной руководителем КГБ Юрием Андроповым, необходимость такого решения объяснялась тем, что «антисоветскими кругами на Западе периодически инспирируются различного рода пропагандистские кампании вокруг царской семьи Романовых, и в этой связи нередко упоминается бывший особняк купца Ипатьева[2] в г. Свердловске»[3]. Поскольку «архитектурной и иной ценности» дом не представляет и интерес к нему, по сведениям госбезопасности, проявляет лишь незначительная часть горожан и туристов, предлагается его снести в связи с плановой реконструкцией городского центра. Свое предложение авторы записки аргументируют тем, что в последнее время в Свердловск начинают приезжать иностранцы и в дальнейшем круг зарубежных гостей может значительно расшириться, а дом Ипатьева станет объектом их пристального внимания. Уже через неделю после

1 История сноса дома в подробностях рассказана, например, в книге известного свердловского / екатеринбургского краеведа и фотографа, свидетеля сноса Виталия Шитова: [Шитов 2015].

2 Последний владелец этого дома был горным инженером, но советские тексты называют его купцом или подрядчиком. Такой род занятий и социальный статус советскому читателю должны были видеться недостойными — старорежимными и связанными с капиталистическим экономическим поведением. Профессия горного инженера, напротив, была в глазах советского человека понятной и почетной.

3 Архив музея истории и архитектуры Урала УГАХА. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 167/15.

этой записки, в начале августа 1975 года, принимается постановление ЦК КПСС о сносе этого строения и дается поручение Свердловскому обкому КПСС осуществить это решение.

Сложно сказать, что именно стало поводом для беспокойства высокопоставленных чиновников и о каких иностранных специалистах, что проникли бы в Свердловск в обход органов госбезопасности, шла речь в записке. Свердловск брежневского времени был фактически закрытым для иностранных посетителей городом. Последним англоязычным официальным гостем здесь был вице-президент США Ричард Никсон, посетивший город в 1959 году (29—31 июля)[4], и даже на торжественном праздновании 250-летия города в 1973 году присутствовала всего одна иностранная делегация — из социалистической Чехословакии, города-побратима Пльзень.

В этом документе интересны два момента: во-первых, идея о необходимости редакции советской истории с поправкой на внешнюю, иностранную аудиторию и, во-вторых, представление о том, что физическое уничтожение места памяти приводит к забвению, к семантической пустоте. Как мы увидим, авторов проекта совершенно не заботила местная память или возможная реакция локального сообщества на вмешательство в городской ландшафт. Принимая это решение, они определенно не думали об идеологическом воздействии на собственных граждан, а рассуждали в категориях холодной войны, которая была ареной состязания моральных репутаций и формировала представление о значимом Другом — воображаемом иностранце, основном потребителе отредактированного образа страны (ср.: [Голубев 2018]).

Почему у руководителей советского государства возникла идея, что этот дом и связанный с ним эпизод красного террора следует утаивать от иностранцев? В какой момент и по какой причине эта история стала «скелетом в шкафу», которого стоит стыдиться? Истории известны случаи уничтожения зданий, символизирующих старое политическое устройство. Так, в Париже времен Великой французской революции по решению муниципалитета горожанами была разобрана Бастилия, а ее материал пошел на созидательное дело — завершение моста Революции. Новый политический режим сумел использовать доставшийся ему исторический материал и в другом примере — петербургском / ленинградском Литовском замке, служившем, как и французская Бастилия, политической тюрьмой. В нашем же случае уничтожение здания схоже с работой не строителя, а цензора, вычеркивающего неугодные строки в авторском тексте и свято верящего в то, что вычеркнутое более не существует. Только этим можно объяснить странное вымарывание этого дома на карте города: на месте разрушенного особняка так и не построили какое-то новое здание или не разбили, скажем, парк. До конца 1980-х годов это место на оживленной широкой улице, ведущей от железнодорожного вокзала в центр, оставалось пустырем, обнесенным бетонным забором.

---

4 Строго говоря, последним англоязычным визитером в Свердловске и его окрестностях был американский летчик Пауэрс, чей самолет-разведчик был сбит над городом 1 мая 1960 года, а последними политическими деятелями уровня Никсона были кубинцы Фидель Кастро и Че Гевара, посетившие город в 1963 году. В послевоенное время была попытка установления отношений между Свердловском и Бирмингемом по инициативе профсоюзных организаций британцев. В 1955 году делегация из Англии приехала в Свердловск, в 1956-м состоялся ответный визит свердловчан [Панов 1958: 118—120]. На этом обмен визитами прекратился.

Ранние советские презентации факта гибели царской семьи в Екатеринбурге были начисто лишены этической сензитивности. В местной и центральной прессе, путеводителях и исторических сочинениях убийство «Николая Кровавого» встраивалось в моральную экономику справедливого возмездия за совершенные ранее преступления против «трудового народа». В газете «Уральский рабочий», сообщившей в июле 1918 года о расстреле Романовых, говорилось не без хвастовства: «Рабоче-крестьянская власть и в этом случае проявила крайний демократизм: она не сделала исключения для всероссийского убийцы и расстреляла его наравне с обыкновенными разбойниками» [Пятницкий 1939: 47].

Вознесенскую площадь, на которую выходил фасад дома, в 1919 году, после возвращения в город красных, переименовывают в площадь Народной Мести, а репрезентация расстрела как адекватного ответа на уже осуществленные «Николаем Кровавым» преступления включается в путеводители по городу. Например, писательница Нина Попова в книге о Свердловске для детей и юношества пишет, что Николай «не хотел ехать на Урал, так как боялся мести за жесткое подавление заводских бунтов» [Попова 1935: 110], а расстрел Романовых без суда объясняет практической необходимостью: стремительным наступлением колчаковской армии и активностью промонархических групп, якобы неоднократно пытавшихся устроить царской семье побег. Дочь священника из уральского городка Полевского, Попова со знанием дела сообщает, что тела убитых были уничтожены, «чтобы белогвардейцы не могли объявить их мощами» [Попова 1935: 114]. В конспективно-методологической разработке для проведения экскурсий профессиональный археолог и краевед А.А. Берс (1902—1937), замдиректора по науке в располагавшемся в доме Ипатьева антирелигиозном музее, рекомендовал начинать экскурсию по историческому центру с этого места и включать историю о расстреле в общий нарратив о Гражданской войне:

> В мае 1918 года, когда в Челябинске и Кургане взбунтовались чехословаки, и за Екатеринбург развертывается упорная борьба. В это время в городе находится в ссылке с семьей б. царь Николай II, переброшенный сюда из Тобольска по требованию уральских рабочих. В июле месяце, в связи с предстоящей эвакуацией Екатеринбурга, Уральский Областной Совет вынес решение об окончательной ликвидации корней Романовщины — о расстреле всей семьи б. царя. Приговор был приведен в исполнение в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. Вскоре после этого (25 июля) город попал в руки чехов. Белые — сперва чехи и казаки, затем колчаковцы — пробыли в Екатеринбурге почти год, оставив по себе кровавую память массовыми пытками и расстрелами рабочих [Берс 1929: 9].

Действительно, практически сразу после изгнания из города белых место расстрела царской семьи включается в число важных мест памяти Екатеринбурга (с 1924 года — Свердловска), или, как называет такие достопримечательности справочник-путеводитель по городу 1929 года, «меморативных памятников». Издание напоминает, что такими памятниками вообще «Свердловск очень беден», и среди четырех «самых ценных» первым называет дом Ипатьева, неинтересный эстетически, но важный исторически, поскольку здесь доживали последние дни и были расстреляны в 1918 году царь Николай Романов и его семья [Свердловск 1929]. Скромность остальных трех — дом, где останавливались декабристы на пути в сибирскую ссылку, «столб геодезистов» с инфор-

мацией о географическом расположении города и могила уральского историка и краеведа Н.К. Чупина на бывшем монастырском кладбище — подчеркивала, какими значимыми событиями для исторической памяти города должны были стать пребывание (с марта по июль 1918 года) и гибель последнего российского императора.

С конца 1930-х годов упоминания о доме и связанном с ним эпизоде красного террора редактируются: в них исчезают семья и «домочадцы», хотя убийство Николая по-прежнему считается вполне справедливым — «за тягчайшие преступления перед народом, которые совершил этот коронованный палач во время своего царствования», — и необходимым — «ввиду близости фронта и возможности новых контрреволюционных выступлений в Екатеринбурге» [Очерки 1958: 199] (почти тот же текст: [Буранов, Пискунов 1973]). Солидное столичное издание «Архитектура городов СССР» в томе 1948 года о Свердловске также находит нужным написать о доме Ипатьева, эстетически неинтересном, «аляповато-приземистом», но достойном упоминания потому, что он вошел «теперь в историю», поскольку здесь «30 лет тому назад был казнен последний царь из династии Романовых» [Володин 1948]. Издание отмечает архаичность «ныне необычного» наименования площади, осторожно признавая, что в этом революционно-символическом названии заложен глубокий смысл.

В конце 1950-х годов сочное название «площадь Народной Мести» заменяется на ординарное «Комсомольская площадь», входившее в топонимический словарь типичного советского города. Изменение топонима, чью архаичность отметили московские авторы тома о Свердловске еще десятилетие назад, было, вероятно, связано с общей политикой памяти о Гражданской войне и с образом Гражданской войны, сформировавшимся в историческом воображении послевоенного, а точнее даже — оттепельного времени. Она теперь понимается как романтическое время и становится богатым источником для сюжетов приключенческой литературы и фильмов. «Комиссары в пыльных шлемах» из «Сентиментального марша» Булата Окуджавы (1957), к середине семидесятых прочно вошедшего в канон советской репрезентации Гражданской войны в массовой культуре[5], конечно, не могли быть убийцами, расстрелявшими одиннадцать человек, включая женщин и детей.

Приключенческое краеведение

Память о событиях в Ипатьевском доме поддерживалась не только через путеводители и исторические тексты о городе или его топонимику. Она оказалась инкорпорированной в местную, т.е. написанную местными авторами о событиях, происходивших в этом регионе, и изданную локальными издательствами приключенческую литературу для детей и юношества. Заметное место в этой литературе занимали сюжеты о поиске чекистами царских сокровищ. Первой

5 Написанный в 1957 году, «Сентиментальный марш» получил известность во многом благодаря кинематографу. Сначала он прозвучал в фильме Марлена Хуциева «Мне двадцать лет» (1964), потом в экранизации повести М. Зощенко «Возмездие» — приключенческом фильме с элементами комедии «На ясный огонь» (1975), действие которого происходит во время Гражданской войны в Крыму. В фильме его исполнила всенародно любимая актриса Татьяна Доронина.

«местной» книгой на эту тему была повесть «Золотой поезд» активного участника Гражданской войны на Урале Владимира Павловича Матвеева (1897—1940), погибшего в годы политических репрессий [Матвеев 1931] (первое издание под названием «Комиссар золотого поезда» вышло в 1930-м). В книге рассказывалось об операции по перевозке царских сокровищ, участие в которой принимал сам автор, и о следствии по делу об убийстве царской семьи в занятом колчаковской армией Екатеринбурге. На новом рынке советской приключенческой литературы книга оказалась очень популярной: она несколько раз выходила в разных издательствах в начале 1930-х годов, потом в 1959-м и 1964-м — в Перми и в 1967-м — в центральном издательстве «Советский писатель». В 1971 году книга Матвеева была опубликована под одной обложкой с другой повестью о поиске чекистами царских сокровищ, «Тобольский узелок» свердловчанина Юрия Михайловича Курочкина.

Ю.М. Курочкин (1913—1994), отсидевший десять лет по 58-й статье, работал редактором отдела науки и краеведения возобновленного в 1958 году журнала «Уральский следопыт» [Рябинин 1959], был известным в регионе краеведом и автором приключенческих книг [Мосин 2009]. Впервые он издал «Тобольский узелок» в 1968 году в серии «Библиотека приключений» Пермского книжного издательства[6]. В том же году в сокращенном виде повесть публикуется в журнале Свердловского отделения Союза писателей «Урал» под названием «Клад императора (история одной операции)» (№ 5. С. 114—145; № 6. С. 101—143). В книге почти с документальной точностью рассказывается о проведенной уральскими чекистами в 1930-е годы успешной операции по поиску царских сокровищ, оставленных семьей Романовых во время ссылки в Тобольске (август 1917-го — апрель 1918 года). Главный герой повести, сотрудник Свердловского ЧК следователь Михеев, получив задание найти царские сокровища, начинает следствие с чтения литературы, которую ему дает старый большевик и участник Гражданской войны, долгое время работавший за границей, в Харбине. Далее на восьми страницах Курочкин дает подробную и очень профессиональную характеристику содержания вывезенной «старым большевиком» из Харбина коллекции книг, среди которых — и знаменитая работа следователя Соколова[7], который вел дело о расстреле царской семьи при Колчаке и сумел вывезти собранные материалы за границу, и книга учителя царских детей Пьера Жильяра[8], принявшего самое активное участие в расследовании в 1918 году, и более десятка других публикаций — воспоминаний и исследований [Курочкин 1985]. В общем, Курочкин в своей приключенческой книжке дает полную аннотированную библиографию малодоступных эмигрантских изданий на русском языке по вопросу убийства царской семьи в Екатеринбурге.

Если читать эти «горы эмигрантской литературы» Курочкин в самом деле ездил в «ленинградские спецхраны»[9], как он пишет одному своему корреспонденту, то результатом его работы стало знакомство читающей публики на

6 В том же году в Свердловске издается книга Я. Резника о биографии Я. Юровского «Чекист», где рассказывается о пребывании Романовых в Екатеринбурге и упоминается о расстреле в доме Ипатьева [Резник 1972: 110—127].

7 *Соколов Н.* Убийство царской семьи. Берлин, 1925. Цит. по: [Курочкин 1985: 68].

8 *Жильяр П.* Трагическая судьба русской императорской фамилии. Цит. по: [Курочкин 1985: 72].

9 Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-2731. Оп. 1. Д. 187. Л. 7.

Урале (все-таки продукция местных книжных издательств читалась в основном там же, где создавалась) с эмигрантской историографией по «царской теме». Впрочем, есть некоторые основания считать, что эти книги были все-таки доступны в Свердловске — может быть, в таких же частных коллекциях, какой воспользовался герой повести Курочкина[10]. Во всяком случае, с этой литературой определенно были знакомы местные герои революции, редкие пережившие сталинские репрессии «старые большевики», которым приходилось готовиться к публичным выступлениям перед школьниками или искать доказательств собственной причастности к событиям в доме Ипатьева, чтобы заявить свои права на предоставление льгот и привилегий, полагавшихся людям такого статуса[11].

Вероятно, более доступной для интересующихся была единственная «красная» книга о гибели царской семьи — работа уральского большевика, руководителя свердловского Истпарта, также какое-то время располагавшегося в доме Ипатьева, П.М. Быкова «Последние дни Романовых» (1926). Книга была издана Свердловским издательством и включала подробный пересказ вышедшей в Берлине в 1925 году работы следователя Соколова, а также результаты опроса свидетелей событий самим Быковым. В 1930-е годы она была изъята из свободного доступа в библиотечные спецхраны, но была кем-то перефотографирована и ходила по рукам в виде толстой пачки фотографий, в Свердловске и не только[12]. В книге, кроме прочего, были фотографии «расстрельной комнаты» и говорилось, что останки Романовых были не уничтожены, а укрыты где-то за городом.

Иными словами, через приключенческие повести и документальную беллетристику, чтение «запрещенной литературы» и публичные выступления старых большевиков история убийства Романовых продолжала жить в городе. В 1959 году, в июле — т.е. в месяц расстрела Романовых — журнал «Уральский следопыт» опубликовал воспоминания участницы «вывоза последнего царя из Тобольска», написанные по просьбе журнала [Наумова-Теумина 1959]. Публикация материалов была оформлена как реакция на запрос читателя из г. Нижний Тагил, обеспокоенного тем, что молодежь этой истории совсем не знает:

---

10 Курочкин был осужден на десять лет по политической статье [Мосин 2009] и в письме потенциальному автору своего литературного альманаха, сотруднику КГБ, он необязательно должен был быть откровенен об источниках своего знания эмигрантской историографии о гибели Романовых.

11 Участник расстрела царской семьи Г.П. Никулин в интервью 1964 года, сделанном в Радиокомитете по распоряжению ЦК КПСС, на вопрос интервьюера, что из прочитанного им на эту тему больше всего соответствует действительности, как он ее помнит, отвечает: Жильяр (РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 3с. Д. 13. Л. 1—71; РГАФД. Ф. 1. Ед. уч. 12126 (15 мая 1964)). См. также материалы ГАРФ: statearchive.ru/docs.html#8a (дата обращения: 24.06.2018).

12 Именно в таком виде ее прочел в семидесятые студент Горного института Леонид Вохмяков, в далеком будущем участник поискового движения и тот самый человек, кто найдет в 2007 году останки Марии и Алексея Романовых (интервью с Л.Г. Вохмяковым, июль 2017 года). О шести фотографиях, переснятых с этой книги, упоминает участник первого открытия останков в 1978—1979 годах Гелий Рябов, увидевший эти снимки в своей студенческой юности у одной из сокурсниц по юридическому институту в Москве в начале 1950-х [Рябов 1998: 16]. Читает ее и следователь в повести «Тобольский узелок» [Курочкин 1985: 73—74].

> Уважаемая редакция! Хотелось бы на страницах вашего журнала прочитать, чем кончил последний русский царь Николай Романов. Об этой истории давно не пишут в нашей печати, молодежь ее не знает, ходят всякие кривотолки. Я слышал, что царь находился в Тобольске и его, будто бы, хотели выкрасть англичане, а потом в Екатеринбурге его пытались освободить попы. Как же все-таки Николашку удалось расстрелять?[13]

Сюжет убийства царской семьи становится частью локального знания, дела краеведов и любителей истории города. Чужие о нем не знают[14], в большой нарратив Гражданской войны, героический или романтический, он вписывается плохо и из официальных репрезентаций города для внешней аудитории последовательно исключается. Не входит он, например, в двуязычные буклеты о городе (на русском и английском, французском, немецком языках), изданные к его 250-летнему юбилею в 1973 году. В них город представлен как по большей части проект будущего, заводов и новостроек. И причина не только в общей репрезентационной политике, ориентированной на иностранного — невообразимого — читателя, а в том, что историческое наследие в городе по большей части непрезентабельно (или представляется таковым) и, во всяком случае, не соответствует его статусу города-миллионника (с 1967 года), неформальной столицы Урала. Город — правильнее сказать, его интеллигенция — ощущал острую нехватку приемлемого материала для собственной репрезентации в советском параде истории. Как писал в книге стихов к юбилею Свердловска Д. Лившиц, занимавший посты заместителя главного редактора в главных литературных журналах Свердловска «Урал» и «Уральский следопыт», «Есть у России признаки святые: / Узор Кижей да суздальский пейзаж», а у Свердловска в качестве локальных символов — мощный Уралмаш и плохо сохранившийся, «ледащий» исторический центр [Лившиц 1973: 12, 58]. Диалектизм «ледащий» означает «негодный, невзрачный». В самом деле, здесь не было высоко котировавшихся в послевоенном СССР памятников средневековой архитектуры, не было и истории героического сопротивления в годы Второй мировой войны. Свердловск был глубоким тылом, что в период канонизации Победы стало переживаться как проблема, даже своего рода травма. Объявленный через ВООПИК курс на воспитание патриотизма через изучение локальной истории и любовь к своим местным, прежде всего архитектурным, но также природным и историческим памятникам создавал перспективу редактирования «большой истории» применительно к местной событийной фактуре, так что местные варианты памяти, хотя и соотносились с общегосударственной канвой, необязательно полностью ей соответствовали.

Память о пребывании в Екатеринбурге последнего царя включается в юбилейную репрезентацию города для своих. В 1973 году в Средне-Уральском книжном издательстве выходит миниатюрная книжка «Стихи о Свердловске». Она вполне ожидаемо начинается стихотворением Владимира Маяковского «Екатеринбург — Свердловск», в котором подчеркивается футуристическая

---

13 Уральский рабочий. 1959. № 7. С. 25.

14 Екатеринбургский краевед Виталий Шитов, издавший многостраничный том документов об Ипатьевском доме, признается, что когда он после школы приехал в Свердловск из родного Бийска поступать на журфак университета, то ничего не знал об обстоятельствах гибели здесь царской семьи, несмотря на свой интерес к истории [Шитов 2015: 10—11].

сущность города, отразившаяся и в парадных двуязычных буклетах: «У этого города нету традиций». Эта строчка Маяковского, побывавшего в Свердловске в 1928 году и посетившего среди прочих достопримечательностей место захоронения останков царской семьи[15], стала своего рода формулой города, с которой соглашались или слегка не соглашались его знатоки. С этим утверждением об отсутствии традиций — читай: о культурной бедности — неожиданным образом перекликается помещенное в той же книжечке стихотворение «регионального» автора А.И. Алдан-Семенова «Император осматривал город» [Стихи 1973: 59—60], много писавшего о революции и Гражданской войне. Как раз в это время он работает над романом «Красные и белые» об истории борьбы за золотой запас России, захваченный белыми в Казани в 1918 году [Большев 1998: 35], прибегая, как и Курочкин в своей авантюрной повести, к комбинированию документальной прозы и художественного вымысла [Жак 1973]. Существенно, что роман начинается с эпизода в доме Ипатьева — допроса арестованных по делу об убийстве Романовых, — и здесь, в частности, говорится о потенциальной мемориальной ценности этого места: «Еще позавчера он (герой романа, ведущий следствие ротмистр Долгушин. — *Ж.К.*) выпиливал в подвале половицы с царской кровью, вырезал из стены кирпичи со следами пуль. По просьбе английского короля и доски, и кирпичи будут отправлены в Лондон» [Алдан-Семенов 1970: 12].

Действие в стихотворении Алдан-Семенова разворачивается одновременно в прошлом и настоящем: некий коммунист «по-рабочему, с гордостью, как хозяин простой и радушный», показывает свой город императору, хвастаясь «не количеством — красотой исторических мест». Однако главное историческое место, которое видит император в экскурсии по городу, — это «старый домишко», «укрытый в саду особняк». Читатель, знакомый с местными реалиями, без труда понимает, что речь идет об особняке Ипатьева, поскольку гость города слышит, как над этим домом «тополь крылатый <...> вызванивал листьями» следующие слова: «В этом домике был император / Революцией нашей казнен!» Приведу конец стихотворения:

Коммунист промолчал, как хозяин
Исторической славы своей,
И следил молодыми глазами
За глазами усталых гостей.
Может, было гостям неприятно
На высокий глядеть палисад.
Ничего не сказал император
И отвел настороженный взгляд.

Хотя стихотворение не говорит прямо о том, что император-гость и император казненный — это один человек, именно это читается из текста. Автор рисует сюрреалистическую картину, в которой реальность становится похожей на сон из-за фантастического смещения времени, но при этом все же остается реальностью благодаря подчеркнутой материальности происходящего. Коммунист

15 В стихотворении «Император» (1928) Маяковский пишет о поездке в сопровождении председателя исполкома Парамонова: «У корня, под кедром, дорога, / А в ней — император зарыт».

проводит экскурсию призракам, показывая им место их гибели. Само место, где они расстанутся с жизнью, сообщает им о том, что они навсегда станут частью этого города, их смерть превратит «этот домик» в место памяти и фрагмент локальной «исторической славы». Риторика гибели императора Николая Второго как акта справедливого возмездия, характерная для раннесоветской памяти об этом событии, вытесняется здесь картиной гостеприимства: это событие освоено городом и включено в его рутинные экскурсионные программы. Насколько мне известно, автор никогда больше не публиковал это стихотворение; возможно, оно было написано по заказу и слишком быстро, но все это не отменяет факта его публикации в изящной парадной книжечке к юбилею города: значит, его находили уместным и своевременным.

Градозащитники и неудобное историческое наследие

> Уважаемый товарищ! Не откажите в любезности сообщить, почему стерто с лица свердловской земли историческое здание — дом Ипатьева на Комсомольской площади. Между тем, на нем висела доска «охраняется законом». Старых свердловчан очень огорчило это «событие». Нам непонятно, из каких соображений его снесли, ведь это же действительно исторический дом. Неужели потому, что, якобы, оно могло привлечь нездоровые интересы некоторых людей? Просто не верится этому[16].

Такое письмо в ноябре 1977 года, через два месяца после сноса особняка Ипатьева, направили в Свердловское отделение Общества охраны памятников истории и культуры свердловчанки Т. Шишкина и Л. Неверова. Далее в письме они припоминают другие потери города, такие, как «домик, где останавливались декабристы», обвиняют Общество в бездействии, а городских архитекторов клеймят «Иванами, не помнящими родства», — распространенным и убедительным ругательством в советском обществе эпохи ретроспективного поворота [Кормина, Штырков 2015: 11—13].

В действительности обвинения рассерженными горожанками Общества в бездействии по поводу судьбы дома были несправедливыми. К семидесятым годам в Свердловске происходит формирование заметной градозащитной фронды, сложившейся как раз вокруг отделения ВООПИК, куда вошли представители традиционно сильного местного краеведческого движения, журналисты и специалисты по истории архитектуры. Основная форма действия градозащитников этого времени состояла в публичных выступлениях через местную прессу — в особенности газету «Вечерний Свердловск» и местный «толстый» журнал «Урал» — с очерками об исторических местах и зданиях города и с имплицитной и даже открытой критикой градостроительной политики городских властей. Подготовка к празднованию в 1973 году 250-летнего юбилея города и активная застройка исторического центра — видимо, в связи с инвестициями как раз по случаю этого юбилея — стали своего рода триггером для разворачивания градозащитной деятельности.

«Общество охраны памятников истории и культуры совершенно бессильно противостоять изобретательности свердловских архитекторов, напористо от-

16 ГАСО. Ф. Р-1224. Оп. 1. Д. 91. Л. 29—30.

рубающих кусок за куском от той территории, которая должна быть охранной зоной усадьбы», — пишет преподаватель Свердловского архитектурного института и одновременно председатель областной общественной инспекции по охране памятников истории и культуры Алевтина Берсенева о главной архитектурной достопримечательности города — ансамбле Харитоновых—Расторгуевых [Берсенева 1976: 153], единственном историческом месте, включенном в двуязычные буклеты о Свердловске. В этой и других публикациях в местной прессе она смело критикует и сомнительные архитектурные достоинства новых зданий, и низкое качество используемых материалов, и бездумное отношение строителей к памятникам архитектуры. Так же открыто выступает в прессе коллега Берсеневой по Свердловскому архитектурному институту, специалист по истории Урала А. Козлов. В статье «Свидетели прошлого» он заявляет, что в своем пренебрежительном отношении к сохранению памятников старины учреждения и специалисты, которые решают судьбы городской застройки, следуют дореволюционным градостроительным привычкам: «Я бы назвал такую практику одним из непонятных, к сожалению, пережитков дореволюционного прошлого, когда результаты трудовой деятельности людей оценивались преимущественно с позиций эксплуататорских классов, а не с позиций национальной гордости». Вслед за этим смелым утверждением он уместно цитирует Ленина, Маркса и Энгельса по поводу связи между патриотизмом и любовью к собственной истории, помещая таким образом свою критику в рамки советского идеологического дискурса [Козлов 1976]. Сделать это, впрочем, было нетрудно, поскольку официальным лозунгом движения по сохранению исторического и культурного наследия было воспитание патриотизма через взращивание любви к своей малой родине [Мельникова 2013; Donovan 2015].

В ответ на решение ЦК КПСС о сносе особняка Ипатьева «в порядке плановой реконструкции города» проводится конкурс проектов застройки центра города, где первую премию получает план Свердловскгражданпроекта, предполагающий преобразование Комсомольской площади и расширение улицы Карла Либкнехта[17] за счет сноса ряда домов дореволюционной застройки, включая и дом Ипатьева. В местной печати появляются публикации с критикой принятого проекта. Берсенева в статье в газете «Уральский рабочий» заявляет, что авторы проекта «заняли неверную позицию сноса большинства памятников старины». Она, в частности, обращает внимание на то, что «свердловские архитекторы решили снести дом Ипатьева, уникальный исторический объект», и выступает категорически против сноса этого здания [Берсенева 1977]. Чуть раньше в том же году журнал «Урал» опубликовал открытое письмо руководителей Свердловского отделения ВООПИК и двух краеведов, включая уже известного нам писателя Курочкина, в поддержку выступления Берсеневой в том же журнале. Среди других потенциальных потерь, которые понесет город после жесткой реконструкции центра, снова особо отмечается Ипатьевский дом, «что напротив Дворца пионеров», располагающегося в усадьбе Харитоновых—Расторгуевых. Авторы напоминают читателям, что здесь закончилась трехсотлетняя династия Романовых, что дом в 1974 году поставлен на учет как революционный памятник республиканского значения и что в нем располагались советские учреждения раннего периода советской власти, которые также важны для истории города, — такие, как Музей революции и Антирелигиозный музей:

17 Архив музея истории и архитектуры Урала УГАХА. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 167/39.

> В настоящее время началась настоящая атака на Ипатьевский дом. Уже снесены подсобные хозяйственные помещения. И только благодаря активному выступлению общественности города цело пока само здание. Потомки не простят нам, если будет снесен Ипатьевский дом![18]

Чтение градозащитных выступлений семидесятых годов в свердловской прессе[19] создает впечатление, что авторы этих текстов всерьез относились и к возможности использовать ресурсы Общества для защиты памятников от сноса, и к своему участию в этой деятельности. В определенном смысле они следовали традициям довоенного краеведения с его подвижничеством и (локальным) патриотизмом [Мельникова 2013]. Как справедливо отмечает Катриона Келли, в брежневское время «движение за охрану памятников оказалось одним из немногих видов легитимной гражданской деятельности вне рамок КПСС» [Келли 2009: 123]. Фактически дебаты о судьбе исторических памятников и облике города оказываются в период постоттепели одной из редких возможностей для разговора между «советской общественностью» и государством, которое в этом случае представляли профессиональные архитекторы и организации, занимающиеся застройкой города, а также городские власти, принимавшие самостоятельно или по указанию из центра непопулярные у горожан решения.

Так, в среде градозащитников с большим энтузиазмом обсуждается проект закона «Об охране и использовании памятников истории и культуры»[20], опубликованный в середине июня 1976 года в газете «Известия». Уже в начале июля, в разгар отпускного сезона, активисты Свердловского городского и областного отделения ВООПИК собираются, чтобы внести предложения к нему; обсуждение переходит в городские газеты[21] и показывает высокий градус критики хозяйственных решений органов власти (исполкомов), а также уверенность в перспективности этого закона, предусматривавшего возможность юридическим образом регулировать ситуацию с памятниками. В газете «Вечерний Свердловск» заведующий отделом писем и автор большинства материалов об исторических зданиях и названиях улиц в Свердловске в середине 1970-х Николай Бердников обращает внимание читателей на 23-ю статью закона, в которой оговариваются условия сноса или перемещения исторических памятников либо из-за крайней ветхости, либо в градостроительных целях. Он пишет, в частности, что «в условиях нашего города» следует обязать организацию, которая производит снос, «на этом месте оставить какой-то памятный знак» [Бердников 1976б][22]. Соглашаясь с ним, заместитель председателя совета областного отделения ВООПИК А. Верилов пишет, что надо повысить «личную моральную и уголовную ответственность хозяйственных руководителей и отдельных граждан за повреждение или уничтожение памятников», а так-

---

18 «Семь раз отмерь...» // Урал. 1977. № 3. С. 136.

19 Архивные материалы Свердловского отделения ВООПИК дают меньше информации, чем можно было бы ожидать. В предисловии к описи фонда Свердловского отделения в ГАСО отмечено, что «полнота фондов неудовлетворительная» (Ф. Р-1224. Оп. 1. Л. 2). В частности, в нем отсутствуют материалы о постановке на учет памятников истории и культуры в 1974 году, когда в список был включен дом Ипатьева.

20 Известия. 1976. 19 июня.

21 ГАСО. Ф. Р-1224. Оп. 1. Д. 88. Л. 59—67.

22 В ответе на эту статью в редакцию газеты А. Верилов пишет, что полностью поддерживает автора: надо обязать исполком райсовета восстановить снесенный по его распоряжению дом штаба боевых дружин, о котором идет речь в статье (Там же. Д. 91. Л. 203).

же уменьшить сроки рассмотрения вопросов о взятии памятников под охрану [Верилов 1976].

Представители «класса специалистов», к которым относились активисты ВООПИК, были той единственной группой, по наблюдениям Амальрика, которой была необходима и понятна обозначившаяся в период оттепели идея правопорядка [Амальрик 1970: 21]. Эта группа робко требовала соблюдения законности независимо от нужд властей, о чем свидетельствует обсуждение закона об охране памятников. Перспектива привлечь к наказанию, если не уголовному, то хотя бы символическому[23], нарушителей закона была для них, вероятно, не менее важной, чем сохранение исторического наследия.

Нужно сказать, что обсуждение закона об охране памятников легло на хорошо подготовленную почву: памятники в Свердловске — как и во многих других городах страны — сносились в большом количестве, так что Общество даже обратилось к председателю исполкома Свердловского областного совета депутатов, депутату Верховного Совета А.В. Борисову с письмом о бездумном уничтожении памятников в ходе городского строительства. За последние 5—7 лет, говорится в письме, в Свердловске уничтожено более 30 исторических и историко-революционных памятников. Заканчивается документ тем, что, по-видимому, казалось его авторам самым сильным примером безобразного отношения к историческому наследию: подготовкой к сносу исторического памятника революции — дома Ипатьева, где «в июле 1918 года было приведено в исполнение революционное постановление Уралоблисполкома о казни бывшего царя Николая II»[24].

Для тех представителей местной интеллигенции и знатоков края, кто защищал доступными средствами дом Ипатьева от сноса, он был неотъемлемой частью исторического наследия города, в одном ряду с такими легитимными с точки зрения советской политики памяти «меморативными памятниками», как конспиративная квартира большевиков, подпольная типография или место, где останавливались декабристы на пути в сибирскую ссылку. Хотя официальные документы, которыми должны были руководствоваться в своей работе отделения ВООПИК, уравнивали памятники истории и культуры — т.е. объекты, хранящие событийную историю, и объекты, ценные с эстетической точки зрения, — и второй съезд Общества в 1972 году «призвал общественность сосредоточить основные усилия на многообразной, безмерно интересной и важной работе по выявлению, изучению, реставрации и благоустройству памятников, монументов, мемориальных мест, увековечивающих героические свершения советского народа, Коммунистической партии» [Тихонов 1984: 16], в действительности в негласной иерархии выигрывали последние. Когда М.В. Алпатов в одном из сборников Общества пишет о пользе движения по охране памятников в деле «воспитания чувств», он имеет в виду прежде всего воспитание эстетического вкуса через сохранение памятников архитектуры в повседневном, не музейном пространстве обитания и сохранение художественного наследия [Алпатов 1972], а не «чувство любви к социалистической Ро-

23 В реальности этот закон работал крайне ограниченным образом: при сносе дома Ипатьева, снятого с охраны распоряжением Совета министров РСФСР от 3 августа 1977 года, все, чего смог потребовать ВООПИК от ходатайствовавшей об этом решении организации (Горисполкома), — это организовать и оплатить работы по фиксации памятника (Там же. Л. 72—73).

24 Там же. Д. 88. Л. 126—128.

дине», о котором в том же году на совещании-семинаре руководящих работников ООПИК союзных республик говорил один из высших функционеров Общества [Иванов 1972: 12].

В условиях дефицита художественного наследия, как его понимали Алпатов или основатели ВООПИК, свердловская градозащитная общественность настаивает на ценности объектов наследия исторического, создающих неповторимый портрет города. Такими местами становятся, например, объекты «некрасивой» промышленной архитектуры и рядовая историческая застройка. Именно о потере своеобразия города, связанного со спецификой его истории, особенно переживают авторы возмущенного письма в свердловское отделение ВООПИК: «Город давно потерял свое лицо»[25]. Они имеют в виду «варварское разрушение заводских сооружений на плотине», где возник город, так называемой «Монетки», в связи с реконструкцией этого места и открытия здесь в 1973 году Исторического сквера [Бердников 1979: 12—13].

Ретроспективный поворот в таких частях страны, как Свердловск, имел региональные особенности. Короткая история колонизации и неплодородные земли с населением скорее городским, чем крестьянским, исключали перспективу локализовать здесь истоки нации, аутентичной русской культуры. Не случайно этот регион не дал примеров писателей-деревенщиков — бывших местных, уезжавших делать писательскую карьеру в столицу и способных выстроить творчески продуктивное отношение дистанции, которое позволяло пережить чувство ностальгии и оценить социальный разрыв между городом и деревней в этических и эстетических терминах [Разувалова 2015]. В этом контексте не удивительна критика в местной прессе эстетизации прошлого, свойственной тому «ретроспективному повороту», с которым во многом была связана деятельность ВООПИК с момента его основания.

В одной из газетных заметок в «Вечернем Свердловске» Бердников пишет об очевидном перекосе в увлечении прошлым в сторону церковных памятников — зданий и икон (ср.: [Kelly 2013; 2016]). Он с неудовольствием отмечает, что в своих письмах в газету читатели часто сетуют на то, что в советское время многие храмы в городе были уничтожены, и объясняет, что нужно уважать не только материальную культуру прошлого (церкви и иконы), но и «то историческое время, когда происходил снос церквей» [Бердников 1976б]. Памятники революции и Гражданской войны, пишет Бердников, отличаются от храмовых сооружений или особняков «своей незаметностью»: это может быть маленький флигель или дом на окраине, в котором происходили какие-то значимые события. Такие места нужно выявлять, ставить на учет и охранять не для того, чтобы ими любоваться, а чтобы использовать их как хранилища памяти о «героических делах народа» [Бердников 1976а].

Защитить дом от сноса Обществу охраны памятников не удалось. Распоряжением Совета министров РСФСР от 3 августа 1977 года № 1221-р дом № 49 («Ипатьевский дом») по ул. Карла Либкнехта в г. Свердловске был исключен из списка исторических памятников государственного значения в связи с реконструкцией улицы Карла Либкнехта[26]. В ответе на письмо горожанкам, недовольным бездействием ВООПИК, Верилов, лично приложивший немало усилий для сохранения этого и других объектов культурного наследия, сухо

25 Там же. Д. 91. Л. 29 об.
26 Там же. Л. 72—73 (11 августа 1977 года).

порекомендовал «обратиться о причинах его сноса в Свердловский горсовет»[27]. Уничтожение здания, однако, не привело к забвению связанной с ним истории; наоборот, репрессии сделали его более видимым, чем оно было при жизни. Пустырь стал одним из тех «призрачных мест», о которых, пересказывая Мишеля де Серто [Certeau 1984: 143—144], писала Е. Трубина: мест, что «оживляют призраки людей, мест и событий, из которых состоят наши биографии и взаимодействие с освоенной частью города» [Трубина 2013: 429]. Пространственные истории вроде той, что от лица горожан рассказал императору коммунист в стихотворении Алдан-Семенова, перформативно соединяют память и городские места «каждый раз, когда мы в них оказываемся» [Трубина 2013: 429]. Разрушение дома стало дополнительной референцией для пространственных историй горожан, не менее значимой, чем события 1918 года.

В работе о ленинградских градозащитниках Б. Гладарев связывает это общественное движение со становлением гражданского общества в горбачевское время и видит в нем специфически ленинградское явление, порожденное не только возможностью выходить на акции по защите того или иного объекта, но и богатой историей «петербургского мифа» [Гладарев 2011]. Можно ли считать выступления в защиту памятников истории и культуры в Свердловске семидесятых годов формой существования гражданского общества в его классическом, хабермасовском смысле? Была ли позднесоветская «общественность» специфическим изводом гражданского общества, или, как пишет Е. Добренко о чуть более раннем периоде, в советской реальности «на месте отсутствующего гражданского общества формируется сфера симулятивной репрезентации (в том числе, конечно, и самой публичности)» [Добренко 2007: 52]?

Исторические памятники, защитой которых занимались общественные инспекторы ВООПИК и другие вовлеченные в краеведческую деятельность люди, играли роль плохо уловимого публичного пространства в позднесоветском городе. Хотя настойчивость свердловских градозащитников семидесятых годов вполне можно посчитать формой гражданского активизма, никто из них не был политическим диссидентом или тайным противником политического режима[28]. Вряд ли можно с уверенностью говорить, что эти люди формировали «вторую культуру» [Гладарев 2011: 104], поле альтернативных официальным объединений, клубов и кружков. Они честно выполняли государственный заказ: сохранить культурное наследие и воспитать любовь к стране через уважение к локальным памятникам культуры — и в реализации этого проекта сталкивались как с прагматизмом настоящих хозяев города — Горсовета[29], —

---

27 Там же. Л. 28.

28 В то же время публикацию целого абзаца в «Вечернем Свердловске» об уже снесенном доме Ипатьева можно расценивать как политическое действие [Бердников 1977].

29 В книге стихов о Свердловске «Признание» всесильный Горсовет оказывается собеседником лирического героя, решившего поговорить с этим институтом о любви к городу:

Горсовет! Оставь для сердца
Тот старинный старый дом,
Где наигрывают скерцо
Струны старых проводов. <...>
Ты пойми: не сытый ужин,
Не излишества, не шик,
Этот старый дом мне нужен —
Понимаешь? — для души...
[Лившиц 1973: 32].

так и с не совсем ясной политикой центра, преодолеть которые они были, конечно, не в состоянии.

Итак, из акта народной мести расстрел царской семьи в городском тексте Свердловска / Екатеринбурга постепенно превращается в сюжет локальной истории революции и Гражданской войны. Он становится настолько этически нейтральным и политически безопасным, что включается в литературу развлекательных жанров — приключенческую и детективную, даже в сборник стихов к юбилею города. Разрушение дома Ипатьева, с точки зрения горожан, было варварским и нелогичным: память о расстреле 1918 года была городом усвоена, каталогизирована как один из фрагментов революции и Гражданской войны на Урале и зафиксирована в соответствующей памятной доске, одной из многих подобных. Для свердловчан Романовы стали литературными персонажами и бесплотными призраками; но из Москвы они виделись иначе.

Советский монархизм

Трудно предположить, что кто-то из свердловских защитников дома Ипатьева испытывал большие симпатии к личностям убитых там людей или, во всяком случае, что их деятельность диктовалась особым отношением к этим людям. Романовых, в отличие от погибших в Гражданской войне красных, никто не считал героями или жертвами революции, так что в официальной памяти не было подходящей для их мемориализации категории. Никакого намека на сочувствие мы не обнаруживаем ни в выступлениях местных публицистов, ни в текстах приключенческой литературы, ни в стихотворении Алдан-Семенова. Симпатии к монархии, распространенные в эмигрантской среде, теоретически могли разделять жившие в Свердловске репатрианты из Харбина, но об их участии в защите дома в семидесятые годы мне не известно. Кажется, в локальном «городском тексте» этот локус действительно был одним из памятных мест яркого момента истории, кроме всего прочего депровинциализировавшего этот город в масштабах страны, а может быть, даже и мира.

Монархистов не было в Свердловске, они были в Москве. Как пишет Н. Митрохин, еще в 1960-е годы монархизм был элементом национально-патриотических настроений, вполне открыто разделявшихся определенной частью столичной советской элиты из круга людей «русской партии» [Митрохин 2003]. Так, функционер Министерства культуры и один из создателей ВООПИК В. Десятников в своем дневнике за 1967 год рассказывает, как они с женой отправились в поездку по местам пребывания императора в Сибири, умудрившись получить на это предприятие финансирование через ЦК ВЛКСМ:

> Пятидесятилетие ссылки в Тобольск в 1917 году Николая II с семьей мы с женой решили отметить посещением этого, некогда губернского, города — столицы Сибири, а затем повторили путь на Голгофу, каким взошла на нее царская семья, под арестом привезенная в 1918 году в Екатеринбург. На свои деньги нам это паломничество было не под силу. Мы обратились за помощью к Ганичеву (ЦК ВЛКСМ). Всего мы ему раскрывать не стали. Думаю, он сам все понял и поэтому командировал нас с узкопрактической целью: описать боевой путь Ермака на Иртыш, чтобы разведанный нами маршрут можно было включить в число комсомольских походов «по местам боевой и трудовой славы», как сказано было в заявке в обоснование нашей командировки [Митрохин 2003: 352].

Видимо, Десятниковы в своем паломничестве посетили и Свердловск. Мы не знаем, повторил ли кто-то еще путешествие этой четы, но оно красноречиво говорит о распространении монархических настроений в среде столичной творческой и номенклатурной элиты. В 1960-е годы местом притяжения для таких людей становится живший во Владимире после пребывания в заключении бывший лидер белого движения В.В. Шульгин (1878—1976), присутствовавший при отречении Николая Второго. После 1965 года Шульгин получает известность в ограниченных столичных кругах благодаря показу полнометражного документального фильма «Перед судом истории», в котором он, красивый старик в хорошо сидящем костюме, с удивительными манерами и замечательной речью, проезжает в сопровождении советского историка по Ленинграду, посещает Таврический дворец, где заседала Государственная дума, и музеефицированный вагон, в котором произошло отречение Николая Второго. Фильм показывали в широком прокате в Москве и Ленинграде в течение всего нескольких дней, но и этого могло оказаться достаточно для распространения информации о таком необычном для Советского Союза человеке [Рыбас 2014: 500—501]. Шульгина, сохранившего монархические и националистические, с налетом антисемитизма, взгляды, посещал, в частности, важный участник «русской партии», успешный художник Илья Глазунов.

Работал с Шульгиным как с информантом и человек совсем других взглядов — Марк Касвинов, трудившийся во второй половине 1960-х годов над книгой о последних месяцах правления и гибели Романовых. В 1972—1973 годах книга «Двадцать три ступени вниз» [Касвинов 1982] печатается в журнале «Звезда» и становится невероятно популярной. Она, конечно, не была промонархической, наоборот, в предисловии автор прямо говорит, что его работа возникла как советский ответ на множество западных публикаций и кинокартин на «романовскую» тему [Касвинов 1982: 19—20; Никонорова 2011; Лиманова 2016]. Касвинову были предоставлены исключительные условия для подготовки работы: он смог посетить библиотеки и архивы Польши и Австрии, Швейцарии и Болгарии и, очень вероятно, пользовался услугами каких-то помощников[30]. Кроме того, он занимался тем, что мы теперь назвали бы устной историей, — опрашивал очевидцев событий и пользовался их личными документами[31] [Касвинов 1982: 22—23].

Те советские граждане, что с увлечением читали живо написанную работу Касвинова (ее не случайно поручили не историку, а журналисту), вышедшую вскоре отдельной книгой и неоднократно переизданную, вряд ли имели возможность познакомиться с «потоком западных публикаций» о Романовых или посмотреть оскароносные фильмы «Анастасия» с Ингрид Бергман в главной роли (1956) или «Николай и Александра» (1971). Фильм с Шульгиным также мало кто видел — во всяком случае, за пределами Москвы и Ленинграда. Похоже, что машина пропаганды работала вхолостую и, может быть, даже не в свою пользу, давая советским гражданам лишний повод поразмышлять на забытую и, казалось бы, не особенно интересную тему. Как отмечал свердловский / екатеринбургский геолог и искусствовед, в юности репатриировавшийся из Харбина, Г.Б. Зайцев, именно эта книга стимулировала в семидесятые годы интерес к «романовской теме» в городе

30 ГАСО. Ф. Р-2731. Оп. 1. Д. 187. Л. 7.

31 В предисловии к книге Касвинов называет более десяти свидетелей пребывания Романовых в Тобольске и Екатеринбурге, с которыми общались он или его помощники.

[Зайцев 1998: 217]. А фильм с Шульгиным вызывал симпатию скорее к экзотичному старику, чем к мешковато одетому невзрачному советскому историку.

Может статься, публикацией работы Касвинова власти также реагировали на подготовку канонизации Русской православной церковью заграницей императора с семьей и домочадцами, вместе с другими «новомучениками российскими, от безбожников убиенными». Канонизация состоялась в 1981 году и подавалась в отечественных СМИ как антисоветская диверсия. Как писала газета «Советская Россия» в материале «Как Николай Кровавый стал святым», «кучка монархистов» недаром активизировалась «именно сейчас, когда официальный Вашингтон вновь распускает знамена антикоммунизма, бьет в барабаны “холодной войны”» [Романцов 1981].

Другим проектом подобного рода, тоже возникшим между двумя юбилеями революции, был фильм Элема Климова «Агония» о последнем годе правления династии Романовых. Его сценарий, заказанный в связи с празднованием пятидесятилетнего юбилея революции, был готов в 1966 году. Сам фильм после нескольких остановок в производстве из-за вмешательства цензуры авторы смогли закончить в 1975-м. Но вышел на экраны он только десятилетие спустя, в 1985-м: 1 августа 1975 года, в те же дни, когда принимается решение о сносе дома Ипатьева, Комитет госбезопасности посылает в ЦК КПСС записку, что фильм этот выпускать в прокат нецелесообразно [Никонорова 2011: 171].

Брежневские годы не были богаты произведениями на «царскую» тему: все-таки официально монархизм был опасной антисоветчиной и если в одних случаях слегка позволялся (православным националистам круга «русской партии»), то в других легко становился уголовной статьей или поводом свести счеты. Именно такая история, судя по всему, приключилась с публикацией в 1976 году в ленинградском журнале «Аврора» стихотворения поэтессы и литературоведа Нины Королевой «Оттаяла или очнулась?..» [Королева 1976], получившего клеймо «монархического». Стихотворение было написано под впечатлением от поездки Королевой в Тобольск и Иркутск в 1974 году, когда она работала над книгой о декабристах. Для обоих городов память о пребывании декабристов стала в советское время основанием локальной идентичности [Рожанский 2013]. Однако в городском ландшафте Тобольска продолжала жить память не только о декабристах — в частности, похороненном там «слепом Кюхельбекере», которым занималась Королева, — но и о пребывании в течение восьми месяцев перед отправкой в Екатеринбург царской семьи:

И в год, когда пламя металось
На знамени тонком,
В том городе не улыбалась
Царица с ребенком...

И я задыхаюсь в бессилье,
Помочь им не властна,
Причастна беде и насилью,
И злобе причастна
[Королева 1976].

Реакция партийных властей на публикацию этого стихотворения оказалась неожиданной и для автора, и, видимо, для редакции журнала [Королева 2012]. Редактора «Авроры» и его заместителя сняли с работы, Королева также имела

неприятности, связанные с приостановкой ее удачно складывавшейся до той поры карьеры — члена Союза писателей, кандидата наук, депутата райсовета. В книге воспоминаний она практически не рассказывает об этом эпизоде своей биографии, лишь скупо упоминает, что стихотворение было опубликовано случайно и что после этого в ее жизни «было мало хорошего» [Королева 2010: 5, 185]. Для нас не так важно, почему это стихотворение оказалось напечатанным: явилось ли это результатом череды совпадений или чьей-то злой воли [Островский 1990; Рубашкин 1990], — главное, что оно было написано и издано людьми, абсолютно лояльными советской власти. Очевидно, что ни автор, ни редколлегия журнала не видели в нем ничего крамольного и политически опасного.

Королева написала стихотворение под впечатлением пребывания в том же городе, где несколькими годами ранее были в своем монархическом «паломничестве» Десятников с женой. К этому времени, как пишет М. Рожанский, образ декабристов приобрел множество сложных оттенков; он, в частности, стал восприниматься «в контексте исторической параллели между брежневской эпохой и николаевской Россией» и оказался «естественной частью культурного кода, который можно определить как несоветскую романтику советской интеллигенции» [Рожанский 2013]. Впрочем, в стихотворении Королевой трудно увидеть какие-либо политические аллюзии; это текст о чувствах, которые испытывает лирическая героиня во время пребывания в городе, знакомства с его памятью и переживания создаваемой этой памятью особой местной атмосферы.

В апреле 1977 года статью об увольнении редактора журнала «Аврора» и его заместителя вместе со стихотворением Королевой печатает американская газета «New York Times» в материале, озаглавленном «Поэтический плач о царице привел к двум увольнениям» [Shipler 1977]. Эти материалы попадают на Запад от вставших на диссидентский путь и вскоре уехавших в эмиграцию активных участников советской литературной жизни — литературного критика, бывшей сотрудницы «Авроры» Елены Клепиковой и ее мужа, писателя Владимира Соловьева. Стихотворение со своими комментариями читает на радио «Свобода» А. Солженицын [Новиков 1991], и наверняка его слушает немало советских граждан. Тем самым косвенно подтверждается справедливость решения ленинградских властей о признании стихотворения антисоветским.

Эпилог

Среди тех, кто прочел стихотворение «Оттаяла или очнулась?..», был москвич Гелий Рябов, один из авторов популярного советского телесериала о становлении советской милиции «Рожденная революцией» (1974—1977), в прошлом — следователь [Рябов 1998: 154—155]. В 1976 году он приехал в Свердловск, чтобы провести встречи со своими зрителями. Наряду с просьбой показать ему главную достопримечательность города — дом Ипатьева — Рябов также пожелал познакомиться с каким-нибудь знающим краеведом. Так он встретился со своим сверстником Авдониным, геологом, на тот момент кандидатом геолого-минералогических наук, и предложил ему начать совместные поиски царских останков. После трех лет чтения литературы, работы в архивах, опроса свидетелей событий и изучения местности они при участии еще нескольких человек, включая двух-трех профессиональных геологов из числа коллег Авдонина, действительно нашли останки расстрелянных в Ипатьевском доме людей. Что де-

лать с этой находкой тогда, в 1979 году, было совершенно непонятно. Она была несвоевременной и опасной, чреватой неприятностями и не сулившей удачливым следопытам каких-то дивидендов, словно клад, который, как известно из фольклора, никогда не приносит счастья.

В то же время эта несомненная авантюра была по-своему логичной, если видеть ее в сюрреалистической логике позднего социализма. В ней встретились столичный советский монархизм, уверенно рифмующийся с религиозным национализмом, и борьба местных краеведов и градозащитников за исторический город как публичное пространство; профессионализм умелых разведчиков недр и хватка бывшего следователя; взращенная чтением приключенческой литературы и фантастики романтическая жажда большого дела на пределе возможного и пафос социальной ответственности. «Я глубоко убежден, что, взвалив этот труд на свои плечи, мы никого не обманем и не подведем, прежде всего — самих себя и тех, для кого мы это делаем. Я свято верю в это», — писал Рябов Авдонину в период активного поиска места, где были сокрыты царские останки [Авдонин 1994: 74].

Вероятно, под «теми, для кого мы это делаем», Рябов понимал следующие поколения, которые будут жить в такую эпоху, когда совершенное им и его товарищами открытие станет общим достоянием. Опасные находки вернули на место до наступления лучших времен, добавив к ним крест с надписью из Евангелия «Претерпевший до конца спасется» (Мф 24:13) и капсулу времени с обращением к потомкам [Рябов 1998]. Жаль, мы не знаем, что именно было в этой капсуле, типичной для брежневского времени форме коллективного послания в будущее. Когда в 1991 году под руководством Авдонина заново проводились раскопки, на этот раз официально, в рамках следственного дела об убийстве царской семьи, торжественно вскрыть заложенную в захоронение капсулу времени никому не пришло в голову.

Библиография / References

[Авдонин 1994] — *Авдонин А.Н.* Тайна старой Коптяковской дороги: Об истории поисков останков царской семьи // Источник. 1994. № 5. С. 60—76.

(*Avdonin A.N.* Tayna staroy Koptyakovskoy dorogi: Ob istorii poiskov ostankov tsarskoy sem'i // Istochnik. 1994. № 5. P. 60—76.).

[Алдан-Семенов 1970] — *Алдан-Семенов А.* Красные и белые. М.: Советский писатель, 1970.

(*Aldan-Semenov A.* Krasnye i belye. Moscow, 1970.)

[Алпатов 1972] — *Алпатов М.В.* Воспитание чувств // Памятники отечества. М.: Современник, 1972. С. 117—122.

(*Alpatov M.V.* Vospitanie chuvstv // Pamyatniki otechestva. Moscow, 1972. P. 117—122.)

[Амальрик 1970] — *Амальрик А.* Просуществует ли Советский Союз до 1984 года? Амстердам: Фонд имени Герцена, 1970.

(*Amalrik A.* Prosushchestvuet li Sovetskiy Soyuz do 1984 goda? Amsterdam, 1970.)

[Бердников 1976а] — *Бердников Н.* Память народную надо сберечь // Вечерний Свердловск. 1976. 29 ноября.

(*Berdnikov N.* Pamyat' narodnuyu nado sberech' // Vecherniy Sverdlovsk. 1976. November 29.)

[Бердников 1976б] — *Бердников Н.* Увлечение прошлым // Вечерний Свердловск. 1976. 13 апреля.

(*Berdnikov N.* Uvlechenie proshlym // Vecherniy Sverdlovsk. 1976. April 13.)

[Бердников 1977] — *Бердников Н.* Через Вознесенскую горку // Вечерний Свердловск. 1977. 15 декабря.

(*Berdnikov N.* Cherez Voznesenskuyu gorku // Vecherniy Sverdlovsk. 1977. December 15.)

[Бердников 1979] — *Бердников Н.* Город в двух измерениях. 2-е изд., испр. и доп. Сверд-

ловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1979.
(*Berdnikov N.* Gorod v dvukh izmereniyakh. 2nd ed. Sverdlovsk, 1979.)
[Берс 1929] — *Берс А.А.* Старый Екатеринбург — новый Свердловск: (Уличная экскурсия). Свердловск: Уральский областной отдел народного образования, 1929.
(*Bers A.A.* Staryy Ekaterinburg — novyy Sverdlovsk: (Ulichnaya ekskursiya). Sverdlovsk, 1929.)
[Берсенева 1976] — *Берсенева А.* Облик города // Урал. 1976. № 8. С. 148—155.
(*Berseneva A.* Oblik goroda // Ural. 1976. № 8. P. 148—155.)
[Берсенева 1977] — *Берсенева А.* Спор о центре // Уральский рабочий. 1977. 9 июля.
(*Berseneva A.* Spor o tsentre // Ural'skiy rabochiy. 1977. July 9.)
[Большев 1998] — *Большев А.О.* Алдан-Семенов // Русские писатели. XX век: Библиографический словарь: В 2 ч. / Под ред. Н.Н. Скатова. Ч. 1. М.: Просвещение, 1998. С. 34—35.
(*Bol'shev A.O.* Aldan-Semenov // Russkie pisateli. XX vek: Bibliograficheskiy slovar': In 2 parts / Ed. by N.N. Skatov. Part 1. Moscow, 1998. P. 34—35.)
[Буранов, Пискунов 1973] — *Буранов Ю.А., Пискунов В.А.* Свердловск: Экскурсии без экскурсовода. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1973.
(*Buranov Yu.A., Piskunov V.A.* Sverdlovsk: Ekskursii bez ekskursovoda. Sverdlovsk, 1973.)
[Верилов 1976] — *Верилов А.* Годы не сотрут следы // Уральский рабочий. 1976. 26 августа.
(*Verilov A.* Gody ne sotrut sledy // Ural'skiy rabochiy. 1976. August 26.)
[Володин 1948] — *Володин П.А.* Свердловск. М.: Издательство Академии архитектуры СССР, 1948.
(*Volodin P.A.* Sverdlovsk. Moscow, 1948.)
[Гладарев 2011] — *Гладарев Б.* Историко-культурное наследие Петербурга: Рождение общественности из духа города // От общественного к публичному / Под ред. О. Хархордина. СПб.: ЕУСПБ, 2011. С. 71—304.
(*Gladarev B.* Istoriko-kul'turnoe nasledie Peterburga: Rozhdenie obshchestvennosti iz dukha goroda // Ot obshchestvennogo k publichnomu / Ed. by O. Kharkhordin. Saint Petersburg, 2011. P. 71—304.)
[Голубев 2018] — *Голубев А.* Западный наблюдатель и западный взгляд в аффективном менеджменте советской субъективности // После Сталина: Позднесоветская субъективность (1953—1985) / Под ред. А. Пинского. СПб.: ЕУСПБ, 2018. С. 219—254.
(*Golubev A.* Zapadnyy nablyudatel' i zapadnyy vzglyad v affektivnom menedzhmente sovetskoy sub"ektivnosti // Posle Stalina: Pozdnesovetskaya sub"ektivnost' (1953—1985) / Ed. by A. Pinskiy. Saint Petersburg, 2018. P. 219—254.)
[Добренко 2007] — *Добренко Е.* Политэкономия соцреализма. М.: Новое литературное обозрение, 2007.
(*Dobrenko E.* Politekonomiya sotsrealizma. Moscow, 2007.)
[Иванов 1972] — *Иванов В.Н.* Задачи обществ охраны памятников в свете выполнения решений XXIV съезда КПСС и ноябрьского (1971) пленума ЦК КПСС. Москва, 25—26 января. М., 1972.
(*Ivanov V.N.* Zadachi obshchestv okhrany pamyatnikov v svete vypolneniya resheniy XXIV s"ezda KPSS i noyabr'skogo (1971) plenuma TsK KPSS. Moskva, 25—26 yanvarya. Moscow, 1972.)
[Жак 1973] — *Жак П.* Сплав вымысла и документа // Литературное обозрение. 1973. № 2. С. 19—20.
(*Zhak P.* Splav vymysla i dokumenta // Literaturnoe obozrenie. 1973. № 2. P. 19—20.)
[Зайцев 1998] — *Зайцев Г.Б.* Романовы в Екатеринбурге. 78 дней: Документальное повествование. Екатеринбург: Сократ, 1998.
(*Zaytsev G.B.* Romanovy v Ekaterinburge. 78 dney: Dokumental'noe povestvovanie. Yekaterinburg, 1998.)
[Касвинов 1982] — *Касвинов М.* Двадцать три ступени вниз. М.: Мысль, 1982.
(*Kasvinov M.* Dvadtsat' tri stupeni vniz. Moscow, 1982.)
[Келли 2009] — *Келли К.* «Исправлять» ли историю? Споры об охране памятников в Ленинграде 1960—1970-х годов // Неприкосновенный запас. 2009. № 64. С. 117—139.
(*Kelly C.* «Ispravlyat'» li istoriyu? Spory ob okhrane pamyatnikov v Leningrade 1960—1970-kh godov // Neprikosnovennyy zapas. 2009. № 64. P. 117—139.)
[Козлов 1976] — *Козлов А.* Свидетели прошлого // Вечерний Свердловск. 1976. 20 сентября.
(*Kozlov A.* Svideteli proshlogo // Vecherniy Sverdlovsk. 1976. September 20.)
[Кормина, Штырков 2015] — *Кормина Ж.В., Штырков С.А.* «Это наше, исконно русское, и никуда нам от этого не деться»: Предыстория постсоветской десекуляризации // Изобретение религии: Десекуляризация в постсоветском контексте / Под ред. Ж.В. Корминой, А.А. Панченко и С.А. Штыркова. СПб.: ЕУСПБ, 2015. С. 7—45.
(*Kormina J., Shtyrkov S.A.* «Eto nashe, iskonno russkoe, i nikuda nam ot etogo ne det'sya»: Predystoriya postsovetskoy desekulyarizatsii //

Izobretenie religii: Desekulyarizatsiya v postsovetskom kontekste / Ed. by J. Kormina, A.A. Panchenko, and S.A. Shtyrkov. Saint Petersburg, 2015. P. 7—45.)

[Королева 1976] — *Королева Н.* Оттаяла или очнулась?.. // Аврора. 1976. № 11. С. 20.

(*Koroleva N.* Ottayala ili ochnulas'? // Avrora. 1976. № 11. P. 20.)

[Королева 2010] — *Королева Н.В.* Встречи в пути. СПб.: Журнал «Звезда», 2010.

(*Koroleva N.V.* Vstrechi v puti. Saint Petersburg, 2010.)

[Королева 2012] — *Королева Н.* Мои друзья по «Апрелю» // Вопросы литературы. 2012. № 1. С. 328—345.

(*Koroleva N.* Moi druz'ya po «Aprelyu» // Voprosy literatury. 2012. № 1. P. 328—345.)

[Курочкин 1985] — *Курочкин Ю.М.* Тобольский узелок [1968]. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1985.

(*Kurochkin Yu.M.* Tobol'skiy uzelok [1968]. Sverdlovsk, 1985.)

[Лившиц 1973] — *Лившиц Д.* Признание: Лирический репортаж о городе Свердловске. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1973.

(*Livshits D.* Priznanie: Liricheskiy reportazh o gorode Sverdlovske. Sverdlovsk, 1973.)

[Лиманова 2016] — *Лиманова С.* «Царская кинохроника» и экранный образ Николая II: Идеологическая трансформация // Неприкосновенный запас. 2016. № 3 (107). С. 33—44.

(*Limanova S.* «Tsarskaya kinokhronika» i ekrannyy obraz Nikolaya II: Ideologicheskaya transformatsiya // Neprikosnovennyy zapas. 2016. № 3 (107). P. 33—44.)

[Матвеев 1931] — *Матвеев В.* Золотой поезд. Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1931.

(*Matveev V.* Zolotoy poezd. Leningrad, 1931.)

[Мельникова 2013] — *Мельникова Е.А.* Центробежная сила: Краеведение на окраинах Ленинграда в 1920—1930-е годы // Российская история. 2013. № 5. С. 43—58.

(*Mel'nikova E.A.* Tsentrobezhnaya sila: Kraevedenie na okrainakh Leningrada v 1920—1930-e gody // Rossiyskaya istoriya. 2013. № 5. P. 43—58.)

[Митрохин 2003] — *Митрохин Н.А.* Русская партия: Движение русских националистов в СССР, 1953—1985 гг. М.: Новое литературное обозрение, 2003.

(*Mitrokhin N.A.* Russkaya partiya: Dvizhenie russkikh natsionalistov v SSSR, 1953—1985 gg. Moscow, 2003.)

[Мосин 2009] — *Мосин А.Г.* Краеведение как судьба: Юрий Михайлович Курочкин (1913—1994) // Третьи Всероссийские краеведческие чтения. Москва — Коломна, 22—23 июня 2009 г. М., 2009. С. 286—291.

(*Mosin A.G.* Kraevedenie kak sud'ba: Yuriy Mikhaylovich Kurochkin (1913—1994) // Tret'i Vserossiyskie kraevedcheskie chteniya. Moskva — Kolomna, 22—23 iyunya 2009 g. Moscow, 2009. P. 286—291.)

[Наумова-Теумина 1959] — *Наумова-Теумина Т.И.* Последние дни последнего царя // Уральский следопыт. 1959. № 7. С. 24—26.

(*Naumova-Teumina T.I.* Poslednie dni poslednego tsarya // Ural'skiy sledopyt. 1959. № 7. P. 24—26.)

[Никонорова 2011] — *Никонорова Т.Н.* «Наш фильм... может стать серьезным оружием советской контрпропаганды»: К истории создания кинофильма «Агония» // Вестник архивиста. 2011. № 1. С. 164—177.

(*Nikonorova T.N.* «Nash fil'm… mozhet stat' ser'eznym oruzhiem sovetskoy kontrpropagandy»: K istorii sozdaniya kinofil'ma «Agoniya» // Vestnik arkhivista. 2011. № 1. P. 164—177.)

[Новиков 1991] — *Новиков Н.* Дайте жить, а то помру! // Литературная газета. 1991. № 6 (5332). 13 февраля.

(*Novikov N.* Dayte zhit', a to pomru! // Literaturnaya gazeta. 1991. № 6 (5332). February 13.)

[Островский 1990] — *Островский А.* Как травили журнал «Аврора» и его главного редактора // Литератор. 1990. № 10 (15). 30 марта. С. 4—5.

(*Ostrovskiy A.* Kak travili zhurnal «Avrora» i ego glavnogo redaktora // Literator. 1990. № 10 (15). March 30. P. 4—5.)

[Очерки 1958] — Очерки истории Свердловска / Под ред. Е.Я. Багреева и др. Свердловск: Свердловское книжное издательство, 1958.

(Ocherki istorii Sverdlovska / Ed. by E.Ya. Bagreev et al. Sverdlovsk, 1958.)

[Панов 1958] — *Панов П.Г.* Свердловск в настоящем и будущем. Свердловск: Свердловское книжное издательство, 1958.

(*Panov P.G.* Sverdlovsk v nastoyashchem i budushchem. Sverdlovsk, 1958.)

[Пинский 2018] — После Сталина: Позднесоветская субъективность (1953—1985) / Под ред. А. Пинского. СПб.: ЕУСПБ, 2018.

(Posle Stalina: Pozdnesovetskaya sub"ektivnost' (1953—1985) / Ed. by A. Pinskiy. Saint Petersburg, 2018.)

[Попова 1935] — *Попова Н.А.* Екатеринбург — Свердловск: История города в картинах и эпизодах со времени возникновения до наших дней. Свердловск: Свердлгиз, 1935.

(*Popova N.A.* Ekaterinburg — Sverdlovsk: Istoriya goroda v kartinakh i epizodakh so vremeni vozniknoveniya do nashikh dney. Sverdlovsk, 1935.)

[Пятницкий 1939] — *Пятницкий А.Н.* Свердловск. Свердловск: Свердловское областное издательство, 1939.

(*Pyatnitskiy A.N.* Sverdlovsk. Sverdlovsk, 1939.)

[Разувалова 2015] — *Разувалова А.И.* Писатели-«деревенщики»: Литература и консервативная идеология 1970-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2015.
(*Razuvalova A.I.* Pisateli-«derevenshchiki»: Literatura i konservativnaya ideologiya 1970-kh godov. Moscow, 2015.)
[Резник 1972] — *Резник Я.Л.* Чекист. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1972.
(*Reznik Ya.L.* Chekist. Sverdlovsk, 1972.)
[Рожанский 2013] — *Рожанский М.* Без-мятежная память: Постсоветская судьба декабристского мифа. Ч. 1: Наследники по прямой // Гефтер. 2013. 30 декабря (gefter.ru/archive/10997 (дата обращения: 24.06.2018)).
(*Rozhanskiy M.* Bez-myatezhnaya pamyat': Postsovetskaya sud'ba dekabristskogo mifa. Part 1: Nasledniki po pryamoy // Gefter. 2013. December 30 (gefter.ru/archive/10997 (accessed: 24.06.2018)).)
[Романцов 1981] — *Романцов Ю.* Как Николай Кровавый стал святым // Советская Россия. 1981. 5 ноября.
(*Romantsov Yu.* Kak Nikolay Krovavyy stal svyatym // Sovetskaya Rossiya. 1981. November 5.)
[Рубашкин 1990] — *Рубашкин А.* Отставка монархиста? // Литературная газета. 1990. № 46 (5320). 4 ноября.
(*Rubashkin A.* Otstavka monarkhista? // Literaturnaya gazeta. 1990. № 46 (5320). November 4.)
[Рыбас 2014] — *Рыбас С.* Василий Шульгин: Судьба русского националиста. М.: Молодая гвардия, 2014.
(*Rybas S.* Vasiliy Shul'gin: Sud'ba russkogo natsionalista. Moscow, 2014.)
[Рябинин 1959] — *Рябинин Б.* У истоков дела // Уральский следопыт. 1959. № 5. С. 67—70.
(*Ryabinin B.* U istokov dela // Ural'skiy sledopyt. 1959. № 5. P. 67—70.)
[Рябов 1998] — *Рябов Г.* Как это было: Романовы: сокрытие тел, поиск, последствия. М.: Политбюро, 1998.
(*Ryabov G.* Kak eto bylo: Romanovy: sokrytie tel, poisk, posledstviya. Moscow, 1998.)
[Свердловск 1929] — Свердловск: Справочник-путеводитель на 1929—1930 г. Свердловск: Свердловский горсовет, 1929.
(Sverdlovsk: Spravochnik-putevoditel' na 1929—1930 g. Sverdlovsk, 1929.)
[Стихи 1973] — Стихи о Свердловске. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1973.
(Stikhi o Sverdlovske. Sverdlovsk, 1973.)
[Тихонов 1984] — *Тихонов Ю.А.* Съезды Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры // Вопросы истории. 1984. № 10. С. 13—28.
(*Tikhonov Yu.A.* S"ezdy Vserossiyskogo obshchestva okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury // Voprosy istorii. 1984. № 10. P. 13—28.)
[Трубина 2013] — *Трубина Е.* Город в теории: Опыты осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение, 2013.
(*Trubina E.* Gorod v teorii: Opyty osmysleniya prostranstva. Moscow, 2013.)
[Шитов 2015] — *Шитов В.* Дом Ипатьева: Летописная хроника в документах и фотографиях 1877—1977 гг. Екатеринбург: Автограф, 2015.
(*Shitov V.* Dom Ipat'eva: Letopisnaya khronika v dokumentakh i fotografiyakh 1877—1977 gg. Yekaterinburg, 2015.)
[Эткинд 2016] — *Эткинд А.М.* Кривое горе: Память о непогребенных / Авториз. пер. с англ. В. Макарова. М.: Новое литературное обозрение, 2016.
(*Etkind A.M.* Warped Mourning: Stories of the Undead in the Land of Unburied. Moscow, 2016. — In Russ.)
[Certeau 1984] — *Certeau M. de.* The Practice of Everyday Life. Berkeley: University of California Press, 1984.
[Donovan 2015] — *Donovan V.S.* How Well Do You Know Your *Krai*? The *Kraevedenie* Revival and Patriotic Politics in Late Khrushchev-Era Russia // Slavic Review. 2015. Vol. 74. № 3. P. 464—483.
[Humphrey 2008] — *Humphrey C.* The "Creative Bureaucrat": Conflicts in the Production of Soviet Communist Party Discourse // Inner Asia. 2008. № 10. P. 5—35.
[Kelly 2013] — *Kelly C.* From "Counter-Revolutionary Monuments" to "National Heritage": The Preservation of Leningrad Churches, 1964—1982 // Cahiers du monde russe. 2013. T. 54. № 1/2: L'expérience soviétique à son apogée — Culture et société des années Brežnev. Vol. 1. P. 131—165.
[Kelly 2016] — *Kelly C.* Socialist Churches: Radical Secularization and the Preservation of the Past in Petrograd and Leningrad, 1918—1988. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2016.
[Oushakine 2017] — *Oushakine S.* Sotzromantizm and Its Theater of Life // Rethinking Marxism. 2017. Vol. 29. № 1. P. 8—15.
[Shipler 1977] — *Shipler D.K.* Poetic Lament For Tsarina Costed Two Jobs // New York Times. 1977. April 28.
[Yurchak 2006] — *Yurchak A.* Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation. Princeton: Princeton University Press, 2006.